

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ДЕСТРУКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(теоретические аспекты)**

**SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR IN THE FORMATION
OF DESTRUCTIVE PERCEPTION OF HISTORICAL MEMORY
(theoretical aspects)**

ЕФИМОВ Евгений Геннадиевич

Волгоградский государственный технический
университет, Волгоград, Россия
E-mail: ez07@mail.ru

АНУФРИЕВА Евгения Владимировна

Волгоградский государственный технический
университет, Волгоград, Россия
E-mail: ev_anufrieva@mail.ru

НЕБЫКОВ Илья Александрович

Волгоградский государственный технический
университет, Волгоград, Россия
E-mail: nebykovilya@yandex.ru

ОВЧАР Надежда Андреевна

Волгоградский государственный технический
университет, Волгоград, Россия
E-mail: onadine@mail.ru

Аннотация. *Статья рассматривает роль социальных сетей в процессе трансформации исторической*

EFIMOV Evgeny G.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: ez07@mail.ru

ANUFRIEVA Evgenia V.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: ev_anufrieva@mail.ru

NEBYKOV Ilia A.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: nebykovilya@yandex.ru

OVCHAR Nadezhda A.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: onadine@mail.ru

Abstract. *The article examines the role of social networks in the process of transformation of historical*

памяти. Несмотря на ряд неоспоримых преимуществ новых медиа, таких как доступность разных форм коммуникации и увеличение доступности к объемам исторических источников, сети формируют нестабильную цифровую среду, которая может быть использована для формирования деструктивного восприятия исторической памяти. Рисками сетевого пространства выступают сегментация пользователей, слабый контроль государства и возможность контроля иностранными политическими субъектами, а также снижение роли представителей профессиональных сообществ. Трансформация исторической памяти происходит в несколько этапов: сегментация единого исторического пространства; акцент на недостатках существующих национальных исторических нарративов; создание и замещение исторической памяти государственными институтами. Помимо процессов деконструкции исторической памяти, параллельно для части общества обесценивается необходимость сохранения исторического знания как необходимого условия существования и развития народа и государства. В новых условиях цифровой эпохи необходима модернизация имеющихся подходов к сохранению и защите исторического прошлого с учетом новых вызовов, что в рамках текущей геополитической ситуации напрямую связано с сохранением суверенитета страны.

Ключевые слова: историческая память, социальные сети, экстремизм, цифровизация, образование

memory. Despite a number of indisputable advantages of new media, such as the availability of various forms of communication and increased access to historical sources, networks form an unstable digital environment that can be used to form a destructive perception of historical memory. The risks of the network space are user segmentation, weak state control and the possibility of control by foreign political actors, as well as a decrease in the role of representatives of professional communities. The transformation of historical memory takes place in several stages: the segmentation of a single historical space, the emphasis on the shortcomings of existing national historical narratives, and the creation and replacement of historical memory at the level of state institutions. In addition to the deconstruction of historical memory, the need to preserve historical knowledge as a necessary condition for the existence and development of the people and the state is being devalued for a part of society. In the new conditions of the digital age, it is necessary to modernize existing approaches to the preservation and protection of the historical past, taking into account new challenges, which in the current geopolitical situation is directly related to the preservation of sovereignty.

Keywords: historical memory, social networks, extremism, digitalization, education

Ссылка для цитирования: Ефимов, Е. Г. Социальные сети как фактор формирования деструктивного восприятия исторической памяти (теоретические аспекты) / Е. Г. Ефимов, Е. В. Ануфриева, И. А. Небыков, Н. А. Овчар // *Primo aspectu*. – 2025. – № 1(61). – С. 45–52. DOI: 10.35211/2500-2635-2025-1-61-45-52.

Citation link: Efimov, E. G. Social networks as a factor in the formation of destructive perception of historical memory (theoretical aspects) / E. G. Efimov, E. V. Anufrieva, I. A. Nebykov, N. A. Ovchar // *Primo aspectu*. – 2025. – № 1(61). – P. 45–52. DOI: 10.35211/2500-2635-2025-1-61-45-52.

Актуальность

Современная политическая ситуация, в которой находится наша страна, стала вызовом практически для всех составляющих национального суверенитета, в том числе и исторического прошлого. Согласно принятой в нашей стране в 2024 г. «Стратегии по борьбе с экстремизмом» фальсификация истории отнесена к экстремистским угрозам. Одним из факторов, способствующих ускорению процессов искажения истории, становятся социальные сети, ставшие неотъемлемой частью современной жизни и все активнее проникающие в сферу образования. Это явление порождает серьезные риски для формирования объективной и целостной исторической картины у молодого поколения.

В данной статье будут рассмотрены теоретические аспекты использования социальных сетей как инструмента формирования деструктивного восприятия исторической реальности, сформулированы их социально-технические особенности и методы использования в рамках деформации исторического прошлого.

Социальные сети, став частью повседневных практик миллионов людей как инструмент получения новых знаний и изучения истории, предоставили пользователям ряд новых возможностей.

Во-первых, это доступность информации и расширение источников. Социальные сети предоставляют беспрецедентный доступ к разнообразным материалам. Вместо ограниченного числа учебников и монографий, учащиеся получают возможность ознакомиться с первичными источниками – фотографиями, видеозаписями, письмами, дневниками, свидетельствами очевидцев, размещенными на различных платформах. Это способствует более глубокому и всестороннему пониманию исторических событий, позволяет анализировать информацию из разных источников и формировать собственное мнение. Например, изучая Вторую мировую войну, студенты могут проанализировать фотографии из семейных архивов, видеохроники, записи воспоминаний ветеранов, размещенные на видеохостингах или в группах социальных сетей, посвященных истории.

Во-вторых, это интерактивность и вовлеченность. Дискуссии, форумы, онлайн-викторины и другие интерактивные инструменты способствуют активному участию учащихся в процессе познания (Овчар 2023). Они могут обмениваться мнениями, задавать вопросы, делиться своими открытиями, что стимулирует критическое мышление и развивает коммуникативные навыки. Например, создание группового проекта в социальной сети, посвященного конкретному историческому событию, позволит студентам не только сотрудничать, но и учиться презентовать результаты своей работы, взаимодействуя с аудиторией.

В-третьих, это использование мультимедийных материалов, таких как фотографии, видео, интерактивные карты и 3D-модели, делает процесс изучения истории более наглядным и запоминающимся. Визуализация исторических событий позволяет лучше понять контекст и детали, что способствует более глубокому усвоению материала. Например, в рамках «виртуальных туров» по историческим местам. Онлайн-трансляции лекций, вебинары, обсуждения в чатах – все это способствует более эффективному воздействию на аудиторию. При этом многие достоинства при неумении грамотно использовать такой инструмент, как социальные сети, оборачиваются большими рисками.

Пространство исторической цифровизации

Сама по себе фальсификация истории не является каким-то новым феноменом, тем более для нашей страны. Примером может служить и переписывание после революции истории Российской империи или массовая десталинизация истории уже в советский период (Бордюгов 2010), а также множество других случаев. Однако текущие процессы, протекающие уже в рамках новой информационной среды, отличаются сразу по нескольким параметрам: скорость и массовость внедрения ложных нарративов, принципиально новые механизмы, методы и модели (Тихонова 2021). События на Украине, движение BLM (Black Lives Matter) в США и целый ряд других примеров показывают модель работы с историческим прошлым, основанной не на книжной, а на цифровой истории. Например, есть описанные и научно подтвержденные тенденции искажения исторического сознания

в бывших союзных республиках, в том числе в странах Средней Азии, которые активно проявляются именно в эпоху информационного общества (Россия ... 2024; Бордюгов 2011). Для нашей страны уже сейчас существуют несколько вызовов «исторического экстремизма», таких как либеральная анти-национальная модель исторического прошлого, навязанная после распада СССР (Патрушев 2024), извращенная концепция евразийства, отрицающего государствообразующую роль русского народа, а также сепаратистские нарративы в отдельных регионах нашей страны.

Еще М. Маклюэн выдвинул теорию, согласно которой сам способ передачи сообщения формирует это сообщение (Маклюэн 2003: 10). В случае социальных сетей речь идет о способности субъекта к фрагментации информации и созданию собственной информационной сферы. Пользователь может исключать ту информацию, которая ему не нравится и, наоборот, включать ту, которая его привлекает. Традиционное научное историческое знание в этом контексте оказывается слабо востребованным, поскольку, с точки зрения восприятия, является слишком сложным (Историческая ... 2002). Кроме того, в системе централизованных медиа у государственной исторической науки много ресурсов и нет конкуренции (Леонтьева 2011). В восприятии потребителей информации в соцсетях профессиональные историки не являются носителями объективного исторического знания – с ними конкурируют дилетанты, которые умеют подать свой материал красочно и ярко, в формате клипового мышления, снабжая своими научно не обоснованными суждениями. Особенно гуманитарные науки в этом плане страдают больше всего, поскольку избыток информации создает у многих иллюзию простоты интерпретации даже самых сложных исторических проблем. Таким образом, социальные сети вместо линейной и централизованной истории создают механизм фрагментации исторического прошлого, его «пересборки» в единую сеть из порой не взаимосвязанных исторических фактов. Однако затем, для простоты понимания, происходит не выработка идеи на основе фактов, а интерпретация фактов под идею. Если в нашей образовательной традиции учащемуся может быть предложено на основе имеющихся фактов сделать выводы, то сейчас факты, упакованные нужным образом, уже подаются в рамках озвученных и сформулированных выводов. Разрушается системный принцип мышления, и вместо понимания фундаментальных процессов (что требует отдельной теоретической подготовки) человек начинает мыслить категориями отдельных локальных событий и субъектов исторического процесса, упакованных в готовую идеологию. При этом медиа-среда изначально не является деструктивной сама по себе, но может при необходимости приводить к негативному эффекту через несколько последовательных этапов, сущность которых в самом общем виде будет сформулирована ниже.

Этапы деконструкции исторической памяти

На первом этапе история страны или народа объявляется неполной или недостоверной, появляются разработки альтернативных историй. Это

могут быть истории еды, техники, «женская» история или история народностей. Уже на этом этапе оказывается задействована мощная медийная машина. Вместо научных публикаций, цикл разработки и печати которых может занимать несколько месяцев или даже лет (!), быстро публикуются видеоматериалы в социальных сетях, электронные издания или печатные издания в стиле науч-поп. Сейчас к этому прибавляются посты в социальных сетях, которые по своему эффекту и смыслу конкурируют с научными публикациями (даже статистически по количеству просмотров). Эти альтернативные истории делают упор на облегченную подачу материала, визуальные техники, фото- и видеоматериалы, которые не всегда можно воспроизвести в большом объеме в традиционной научной печати. Параллельно идет заимствование терминологического аппарата, который предлагается к изучению в сочетании с совершенно субъективными примерами. Взять те же политологические термины, где демократию предлагалось ассоциировать с западными политическими системами, а тоталитаризм – с советским строем, хотя это объективно не соответствовало действительности и как минимум заслуживает пересмотра.

На втором этапе через различные НКО активно в обществе идет внедрение альтернативных историй, в которых ненавязчиво делается акцент на недостатках прошлого родной страны, в том числе через идеализацию западноевропейской или какой-либо другой модели. Следует обратить внимание на то, что отсутствие научных принципов и развитие социальных медиа кратно увеличивают масштабы вбрасываемой в общество информации. Никакие классические государственные бюрократические образовательные институты не могут конкурировать с потоком разнонаправленной информации, подающейся одновременно с разных источников. При этом масштабность деструктивного воздействия имеет мультипликативный эффект. Ведь разрушение истории народа достигается сразу в нескольких формах: создание альтернативной истории, расщепление и формирование нескольких конкурирующих нарративов, формирование отчуждения к историческому прошлому своей страны. Важно отметить, что на этом этапе происходит замещение реальных экспертов медийными лидерами общественного мнения, которые не являются профессиональными историками или учеными. Фактически речь идет об исторической инфоцыганщине разных оттенков, самыми популярными из которой являются красный (советский) и белый (имперский). Формируется своего рода развлекательно-возмущающий контент.

По мнению известного немецкого исследователя исторической памяти Алейды Ассман, на третьем этапе за счет различных механизмов происходит сращивание деструктивных нарративов с официальной государственной информационной повесткой (2014). Меняются курсы преподавания в школах и вузах, формируется новая государственная идеология. Социальные сети из маргинального инструмента пропаганды превращаются в массовый поддерживаемый государством официальный инструмент информационной политики. Могут создаваться собственные разработки платформ и при-

ложений. Далее происходит демонтаж памятников и объектов материальной истории (Ассман, 2014), а вместо этого насыщается виртуальное пространство. Нейросети и другие механизмы создания медиаконтента позволяют менять содержание истории в режиме живого времени. За счет государственных средств историческая память формируется в масштабных кинопроектах и телевизионных передачах.

Социальные сети существуют не в абстрактном пространстве. Они имеют владельцев, привязаны к определенным государственным и корпоративным интересам, обладают аудиторией, от которой тоже зависят в определенных аспектах, работают за счет серверов и оборудования. Поэтому нет ничего странного в том, что сети могут быть проводниками национальных интересов отдельных государств, а внутри государств являться орудием борьбы конкурирующих групп влияния (Хальбвакс 2007; Сафронова 2019). Существующая на сегодняшний день в одностороннем порядке блокировка на западных ресурсах русских блогеров и ряд других санкций служат этому достаточным подтверждением. Более того, социальные сети могут из «мягкой силы» мгновенно переключаться в жесткий режим, когда сети собирают и используют практически полную информацию о человеке, включая его перемещения, интересы, сведения о семье, контактные данные и многое другое. На сегодняшний день очевидна опасность таких возможностей, для участвующих в боевых действиях военнослужащих, членов их семей, равно как и для любого гражданина страны, в отношении которого ведется гибридная война.

Все что было описано выше относится больше к классической модели противостояния, когда идет столкновение двух нарративов (например, имперской и советской моделями) (Бокиев 1991). Однако серьезное отличие современного этапа противостояния заключается в том, что сейчас истории противостоит не альтернативная история, а (что гораздо опаснее) не-история, то есть формируется характерное для общества потребления отсутствие необходимости знания истории как таковой. Отдельная важная роль в этом отводится социальным сетям. Вместо альтернативной истории, гражданину предлагается анти-история, в которой патриотические нарративы просто разрушаются, не представляя ничего взамен.

Происходит массированная атака населения некачественной и необъективной информацией. Отсутствие должной модерации и верификации данных создает риски распространения фейковых новостей, пропаганды и искажения исторических фактов. Пользователи не могут критически оценивать информацию, выявлять источники и проверять их достоверность и либо пассивно потребляют информации без ее осмысления и анализа, либо просто теряют к ней всякий интерес.

Выводы

Корректировка, дополнение и изменение истории являются необходимым для ее дальнейшего развития и соответствия эпохе, а также доказывает сам факт развития науки, которая постоянно находится в поиске

новых источников, создает новые нарративы и работает в профессиональной дискуссионной среде. Проблема здесь заключается, во-первых, в том, что вместо субъективного взгляда на историю, предполагается создание псевдоистории, которая вообще никак не связана с историей как наукой, что в итоге приводит, например, к расколу и конфликтам между разными слоями населения и группами. Во-вторых, деструктивный характер таких идеологий выражается в формировании позиции жертвы, когда все неудачи в развитии страны приписываются другому государству или народам, что способствует развитию агрессии в различных формах вплоть до фашистских. Соответственно, созданная таким образом культура работает на паразитировании на чужих исторических нарративах, что никак не способствует ее развитию и раскрытию ее внутреннего потенциала.

Цифровая история, несомненно, открывает новые возможности для образования, делая изучение истории более доступным, интерактивным и увлекательным. Однако риски, связанные с распространением некачественной и необъективной информации, требуют пристального внимания. Для эффективного использования социальных сетей в преподавании истории необходимо разрабатывать методики, направленные на формирование у учащихся навыков критического мышления, способности к оценке источников и проверке информации. Только в этом случае социальные сети смогут стать мощным инструментом для формирования объективной и целостной исторической картины и воспитания ответственных и критически мыслящих граждан. Ключ к успеху – в разумном и контролируемом использовании социальных сетей в образовательном процессе, сочетающем преимущества новых технологий с традиционными методами преподавания и акцентом на критическом анализе информации.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Ассман, А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
2. *Бокиев, О. Б.* Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей / О. Б. Бокиев. — Душанбе: Дониш, 1991. — 170 с.
3. *Бордюгов, Г. А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. А. Бордюгов. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 256 с.
4. *Бордюгов, Г. А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти / Г. А. Бордюгов. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 256 с.
5. *Историческая политика в XXI веке.* — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 648 с.
6. *Леонтьева, О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. / О. Б. Леонтьева. — Самара: ООО «Книга», 2011. — 448 с.
7. *Маклюэн, М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. — 464 с.
8. *Овчар, Н. А.* Применение современных технологий на занятиях по предмету «История» в высшей школе// *Primo aspectu.* – 2023. – № 3(55). – С. 64–70. DOI: 10.35211/2500-2635-2023-3-55-64-70
9. *Патрушев, Н.* Защита исторической памяти – фундамент российской государственности / Н. Патрушев // *Национальная оборона.* – 2024. – № 12. – Режим доступа: URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/zashchita-istoricheskoy-pamyati-fundament-rossijskoj-gosudarstvennosti-45910.shtml> (дата обращения: 28.01.2025 г.)

-
10. Россия в учебниках истории стран Ближнего и постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. В. А. Аватков. – М.: ИНИОН РАН., 2024. – 155 с.
 11. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.
 12. Тихонова, С. В. Историческая память в социальных медиа / С. В. Тихонова. – СПб.: Алетейя, 2021. – 264 с.
 13. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.